

*А.П. Ярков
г.Тобольск*

О КОЛЛИЗИЯХ В СУДЬБАХ ТАТАР И БАШКИР НА ЮГО-ЗАПАДЕ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Было бы ошибочным полагать, что устремления и целеполагание жизни людей и их сообществ зависят только от реализации государственных программ. Иногда коллизии истории приводили к существенной трансформации политико-правовых основ государства. Примером тому судьба тюрков (позднее этнооформившихся в сибирских, казанских татар и башкир), живших и служивших на юго-западе Сибири в период становления и упрочения там российской государственности.

Нужно принять во внимание, что эта территория не

была чужой для тюрков-кочевников. Есть данные о давнем существовании Абултаево, Куйбаково, Сулейманово и др., хотя они и служили местом проживания исключительно в зимнее время. Появление здесь поволжско-татарского населения связано с более поздним временем. Основу той группы составляли татары, переселившиеся сюда после взятия Казани [6, с. 334], хотя предания говорят о другом: якобы, в 1586 г. землю в приграничье получили пришедшие в составе дружины Ермака двенадцать родов, из которых было девять татарских, а три – бывших русских (якобы Алферовы, Барашевы и Барамыкины «отатарились» и приняли ислам) [14, с. 83]. Легенда живуча, но сомнительна, ибо выход из православия и возвращение в ислам в то время каралось строго – по Уложению вплоть до смертной казни.

Коренные жители из числа тюркского населения вместе с русскими, украинцами, «литвой» – соратниками Ермака, вернувшимися в Сибирь, стали одними из первых «государевых служилых людей» в этих местах [9, с. 292]. Независимо от принадлежности служилых объединяла присяга, общая воинская судьба и взаимовыручка, от которой зависела жизнь. Вместе с русскими, «черкасами», «литвой» и коми они основали линию острогов, став органичной частью местного населения при естественном полиэтническом освоении территорий. Служилые татары весьма дорожили общественным и имущественным положением, случаи измены среди них были редки: в 1595 г. за пределы государства ушло всего 50 семейств [10, с. 12]. Выступая осознанно или в силу обстоятельств (по воле племенных вождей и религиозных лидеров) противниками российского государства, эта часть тюркского населения постепенно сменила свое отношение к нему, придя в подчинение. Лишь малая часть, теснящая служилыми, в т.ч. единоверцами и соплеменниками, отодвигалась от российских пределов, оказавшись в конечном итоге в Степи, Китае и Джунгарии.

Были казаками и ичкинские татары (самоназвание «эцкеннер»). Башкирские тарханы «за службу в походах» не зачислялись в «служилые люди» и занимали промежуточное положение между ними и ясашными: они не получали за службу определенного корма, но и не платили ясака [8, с. 42]. Башкиры через военную карьеру могли подняться на высокие ступени в государственном аппарате и занять место среди российской знати. Это создавало дополнительную личную мотивацию для ассимиляции и дистанцирования от соплеменников. Данную тенденцию можно рассматривать как способ создания условий для формирования служебной иерархии, обеспечивавшей иллюзию собственности на власть, которая лежала в основе мотивации общепользуемой деятельности.

В целях закрепления на местах ясачного населения власти разрешали жителям покупать землю. В результате господствующее положение в сборе ясака стали занимать не представители прежней знати, а более предприимчивые люди.

Рядом с башкирами, сартами и калмыками проживала особая группа казанских татар – ичкинские, причисленные к казачеству. В силу исторических, природно-средовых, социокультурных причин они отличались воинственностью (эти обстоятельства отразились не только на ментальном уровне, но и в некоторых реликтах культуры, сохранившихся до недавнего времени. Так, к примеру, в соседней Челябинской области башкиры называют родственников, сопровождающих невесту, *арсый / арчи*, что явно является заимствованием из терминологии, связанной с военным делом [4, с. 73]), и были востребованы государством при присоединении новых территорий.

Расселение мусульман – башкир, татар и калмыков, у которых продолжались активные этнические процес-

сы, было более плотным в юго-западной части Сибирской губернии. С 1744 г. эти местности находились в составе Пермской и Оренбургской губернии, которая в 1781 г. была реорганизована в Уфимское наместничество, состоявшее из двух областей – Уфимской и Оренбургской. Впрочем, и потомки башкир в ю. Зимне-Сингульских (Яр) на р. Исеть утверждали в 1977 г., что их селение основано 370 лет тому назад [11, с. 27].

Судя по данным середины XVIII в., только численность башкир в Исетской провинции достигала 20 тыс. чел., а признанным религиозным деятелем у которых являлся Х. Бурсыкаев – основатель рода улемов Курбангалиевых [6, с. 176]. Исполнение обрядов и установок ислама не вызывало возмущения начальства и не нарушало правил поведения военного человека, а житейская реальность формировала толерантное отношение к соседу-иноверцу, на которого можно было положиться при исполнении службы.

Важно отметить, что в тот период в представлении местных тюрков сложился единый религиозно-культурный универсум, в котором теократическая картина мира, созданного Аллахом, не исключала подчинения идеям российского государства, региональных и архаичных особенностей, сформировавшихся задолго до того, как они стали его подданными. История сохранила именно эти точки зрения на отношение сибиряков к нормам государства, позитивное восприятие ими своих традиций и негативный образ чужих, возникавшие благодаря стремлению к сохранению собственной политической и культурной идентичности.

Даже не зная всех особенностей государственно-правового устройства Российского государства, но полагаясь на его защиту, переселенцы-татары из Поволжья основали в то время с. Сафакулево, ставшее религиозным центром, хотя мечеть там появилась лишь в 1878 г. [15, с. 8].

Можно согласиться с тем, что возникновение постоянных башкирских поселений в Миасско-Уйском междуречье (отчасти это территория современной Курганской области) относится к середине XVIII в. и связано с планомерным и массовым оседанием населения [2, с. 28]. И.Г. Георги замечал: «...в Уфимском наместничестве, в Челябинском округе ... калмыки Мугаметанского закона жизнь ведут единообразную с ними [башкирами] имеют зимовники, а летом со стадами своими кочуют в войлочных юртах на разных местах» [5, с. 23].

Согласно Указу Анны Иоанновны башкирам, сартам и калмыкам, искавшим защиту от набегов казахов, было разрешено селиться в пограничных областях Сибири. Они стали именовать себя башкирами Сарт-Калмакской волости [7, с. 107]. В 1754 г. с башкир была снята ясачная повинность, поскольку «без платежа ясака единственно служилыми будут так, как и казаки». С 1789 г. их основной обязанностью стала военная служба [1, с. 322]. Опираясь на верных присяге служилых башкир, тюменский мурза Сабанак-второй Кульмаматов в 1756 г. участвовал «на пограничные Сибирские линии со вверенною ему командою усмирения бунтующих тамо башкирцов» [12, с. 118].

Само восстание 1755–1756 гг. стало проверкой «на прочность» политики государства на приграничных со Степью территориях, населенных кочевым и полуседлым населением. Восстание не затронуло значительной части Западной Сибири, хотя это предполагали инициаторы и ожидали местные власти, а среди башкир имелись те, к кому адресовал свое воззвание имам Батырша. Уповав на Аллаха, имам открыто призывал к войне против «неверных»: «Сие благословенное писание послано мусульманам, живущим по Сибирской дороге, дабы они, прочитав его, не остались бы беззаботны и были

готовы к заветному делу» [3, с. 480].

Восстание отражало мнение существенной части населения, которое оказалось возможным объединить для противопоставления власти, и одновременно стало одним из «стимулов» в реформировании государственного устройства страны. Есть мнение, что идея Батыршы о создании автономии с шариатским судом была развита депутатами-мусульманами Уложенной комиссии в 1767–1769 гг [13, с. 10].

Исследования показывают, что деятельность сибирского тюркского населения на конкретной территории в составе определенных групп и общностей и его саморефлексия определялись моделью экономических, социальных и культурных связей, в которой индивидуальность и личностное восприятие окружающего мира занимали подчиненное положение. Многие процессы в сибирском социуме нельзя воспринимать обособленно от среды и модуса поведения социальных групп, поэтому для анализа целесообразно использовать методы регионоведения, социальной психологии и политической антропологии. Опираясь на эту методологию, представляется возможным дать объяснение, почему российская государственность, которая распространялась по краю не всегда мирным путем, стала органичной частью жизни небольшой группы населения.

Список литературы

1. Апкеримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И. В. *Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века.* М., 2003.
2. Ахатов А.Т. *Башкирские населенные пункты Миасско-Уйского междуречья во второй половине XVIII в. // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках разработки 7-томного издания «История башкирского народа».* Уфа, 2009.
3. *Башкироведение: Сб. ст. к 75-летию со дня рождения акад. АН РБ Г. Б. Хусаинова.* Уфа, 2004.
4. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. *Семейный быт башкир XIX – XX вв.* М., 1991.
5. Георги И. *Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей: В 4 ч. Ч. 4.* СПб., 1799.
6. *Ислам на Урале: энциклопедический словарь / колл. авт., сост. А. Н. Старостин, отв. ред. Д. З. Хайретдинов.* М., 2009.
7. *Курганские башкиры: историко-этнографические очерки.* Уфа, 2002.
8. Руденко С.И. *Башкиры: историко-этнографические очерки.* М.; Л., 1955.
9. *Сибирские летописи / изд. Импер. археограф. комиссии.* СПб., 1907.
10. Миллер Г.Ф. *История Сибири. Т. 2.* М.; Л., 1941.
11. Томилов Н.А. *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в.* Томск, 1980.
12. Тычинских З.А. *Служилые казаки Кульмаметевы в XVIII в. // Сибирские татары: Материалы I сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».* Омск, 1998.
13. Хабутдинов А.Ю. *От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX в.).* Казань, 2008.
14. Щур В. М. *Источники по истории аборигенов Южного Зауралья средневековья // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краевед. сб. Вып. 8.* Курган, 1994.
15. Юсупов Ф.Ю. *Сафаркул татарлары: тарих, тел, халык иж аты.* Казан, 2006.